Попаданка с обратным билетом.

Дом, который я выбрала

Лилия Романова

Лилия Романова

Попаданка с обратным билетом. Дом, который я выбрала

«Автор»
2026

Романова Л.

Попаданка с обратным билетом. Дом, который я выбрала / Л. Романова — «Автор», 2026

В сорок восемь я взяла отпуск на шесть недель — и устроилась работать в другом мире. Дочь знала, когда я вернусь, хорошее место на Земле за мной сохранялось, а проход открывался точно по расписанию. Все было разумно. Пока городской садовник Мартин не взял меня за руку.Он оказался драконом. Это удивило меня меньше, чем собственное желание остаться.Но дома меня ждали не только привычки. Там была настоящая, хорошая жизнь. А здесь — мужчина, с которым хотелось встречать утро. Обратный путь я знала. Осталось понять, куда хочу идти сама.

© Романова Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. По ту сторону арки 5
Глава 2. Шесть недель до отъезда 8
Глава 3. Не экскурсия 11
Глава 4. Сад после закрытия 14
Глава 5. Чужие бирки 17
Глава 6. Вечер без плана 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Лилия Романова
Попаданка с обратным билетом. Дом, который я выбрала

Глава 1. По ту сторону арки

— Сумку не бросай, — сказала Лариса. — С той стороны тоже придется носить.

Я так крепко держалась за ручки, что вряд ли смогла бы их разжать. В кирпичной арке вместо знакомого двора стояла улица. Не изображение улицы, не хитро поставленное зеркало: оттуда пахло теплой пылью и печеным луком, а по камням, стуча ободами, ехала тележка. Женщина за ней повернула голову в нашу сторону и поправила съехавший тюк.

В моем городе утром прошел апрельский дождь. Я стояла в мокрых ботинках перед чужим солнцем и думала о совершенно неподходящем: надо было надеть пальто полегче.

— Ты ведь сама хотела посмотреть, — напомнила Лариса.

— Когда ты говорила «другая сторона», я представляла что-нибудь менее буквальное.

Она взяла меня за локоть. Мы столько раз вот так выходили вместе после смены, что я шагнула прежде, чем успела придумать новый вопрос.

Под подошвой хрустнул песок.

Я сразу оглянулась. Арка оставалась на месте. В ней были наш сырой двор, водосточная труба и серый кот на стене. Кот явно не собирался никуда переселяться.

— Обратно сегодня пройдем здесь же, — сказала Лариса. — До вечера еще уйма времени.

Я кивнула. Солнце грело правую щеку. От этого пустяка сделалось страшнее, чем от улицы: все было настоящим.

У невысокого стола рядом с аркой сидел мужчина в коричневом жилете. Он посмотрел на Ларису, на меня, придвинул раскрытую книгу. Лариса назвала меня и объяснила, что я до вечера. Мне дали маленький медный треугольник с булавкой. Я приколола его к воротнику и наконец разобрала, о чем спрашивал мужчина.

— Первый раз?

— Очень первый.

— Тогда не теряйте спутницу. Ортель небольшой, но приезжие умудряются.

Лариса забрала со стола свой сложенный платок.

— Теперь речь понимаешь. А вот читать придется учиться, — сказала она, указывая на вывеску.

Под нарисованным башмаком вились незнакомые значки. Я попыталась найти хотя бы одну букву и сдалась.

— И этот треугольник мне выдаст правильные ответы?

— Нет. С ответами сама.

До прачечной оказалось два квартала. Я шла медленно, мешая Ларисе, разглядывала высокие окна, каменные желоба вдоль мостовой, деревце, выросшее из огороженного квадрата земли. Все время хотелось остановиться. Потом из открытой двери пахнуло мокрой тканью, и я впервые за последние полчаса узнала место по запаху.

В приемной стоял длинный деревянный прилавок. За ним молодая женщина складывала полотна, а седая, с широким лицом, что-то объясняла мальчику, державшему пустую корзину.

— Передай, что нижние два еще сохнут. Заберете после обеда.

Мальчик ушел. Лариса представила меня Бруне, здешней руководительнице, и Лисет, которая так и не выпустила из рук полотно.

— Вы как раз вовремя, — сказала Бруна. — Я сейчас освобожусь.

На ближайшем свертке серела длинная полоса. Мне показалось, что это след от веревки.

— Это перед выдачей уберете? — спросила я, наклоняясь.

Лисет придержала ткань.

— Что именно?

Я указала на полосу.

— Здесь можно пройтись еще раз, пока не высохло.

— Нельзя. Это край с пропиткой. Он таким и должен быть.

Я выпрямилась. За двадцать лет работы я привыкла замечать недоделки с порога. И вот принесла эту привычку в место, где даже не умела прочитать надпись над дверью.

— Хорошо, что я только пальцем показала.

Лисет посмотрела на меня чуть мягче.

— Хорошо.

В этот момент в приемную вошел высокий мужчина. Он нес сложенные ремни и остановился так близко к двери, что следующая посетительница попросила его пропустить.

— Мартин, полотна готовы, — сказала Бруна. — Четыре больших и два узких.

— Узких было три.

— Третье вы оставили в саду. Лисет записала при вас.

Он раскрыл рот, потом посмотрел на Лисет. Та молча показала ему строчку на прикрепленной к свертку бирке.

— Точно. Оставили.

Я не удержалась от улыбки. Мужчина заметил.

— У вас никогда ничего не оставалось там, где вы сами это положили?

— Постоянно. Но я обычно сначала обвиняю шкаф.

Лариса тихо хмыкнула. Мужчина тоже улыбнулся, и лицо у него сразу изменилось: из недовольного сделалось внимательным. В темных волосах у висков была седина, на щеке — светлая полоска, оставшаяся, вероятно, от ремня. Он провел по ней пальцами.

— Мартин Роэн. Из сада.

— Евгения. Пока ниоткуда.

— Это временно, — сказала Лариса.

Я посмотрела на нее. Она подняла ладони и отошла к окну, оставляя меня самой отвечать за это «временно».

Мартин перебросил ремни через свертки. Я машинально придвинула один, чтобы ему было удобнее.

— Спасибо. Только серым краем наружу. Иначе опять буду уверять всех, что мне дали не то.

Я повернула сверток. Его пальцы коснулись моих, когда он подхватил ремень, и я почему-то слишком поспешно убрала руку.

— Вы надолго в Ортеле?

— На несколько часов.

— Тогда жалко тратить их на приемную прачечной.

— Не вам говорить. Вы тоже сюда пришли.

— Я по необходимости.

— А я, возможно, по любви к делу.

Он оглядел прилавок, корзины, стоявшую за мной Ларису.

— Серьезное заявление. Приятного вам дня, Евгения.

Когда дверь закрылась, Бруна пригласила нас в небольшую комнату за приемной. Там стояли два стула; третий она принесла сама, несмотря на мое предложение помочь.

— Лариса сказала, вы руководите прачечной. Мне нужен опытный человек, который на время возьмет организацию приема и выдачи. На шесть недель, с ближайшего открытия прохода до следующего.

Я все еще думала о Мартине и заставила себя сосредоточиться на словах Бруны.

— Почему именно на шесть?

— Я перехожу в другую городскую службу. Здесь часть дел передаю Лисет, часть пока веду сама. Ей нужно спокойно закончить испытательный срок. Потом руководить будет она, если все пойдет, как мы договорились. Постоянного места заведующей я вам не обещаю.

От такой прямоты мне стало легче. Я спросила про рабочие дни, оплату, жилье. Бруна отвечала без уговоров. Показала сушильную комнату: вдоль стен стояли решетки, под ними в неглубоких гнездах тускло светились камни. Тепло шло ровное, как от нагретой печи.

— Камни греют, — объяснила она. — Остальное делают люди. Если перепутать вещи, никакая магия не поможет.

Я задержалась у дверей, наблюдая, как Лисет относила в сторону два похожих на вид свертка. В собственной прачечной я знала бы, почему их нельзя поставить рядом. Здесь пришлось бы спрашивать.

Позже мы зашли к Руте. Комната в ее пансионе была маленькой, с окном во двор и умывальным столиком. Рута назвала плату, вычеркнула что-то в своей книге и сказала, что оставит за мной эту комнату до полудня ближайшего открытого дня. Если не приду — сдаст другому.

Еще в прачечной мы договорились с Бруной, что в первый рабочий день она выдаст часть платы вперед. На комнату и еду хватало; оставалось немного. Лариса помогла мне записать суммы и местные названия монет в мой земной блокнот.

— Только не звонить мне потом с уточнениями, — предупредила она. — Шесть недель я буду здесь, ты там. Между открытиями связи нет.

— Помню.

Мы вернулись к арке задолго до вечера. Я снова увидела мокрый кирпич и нашего кота, успевшего перебраться на другой край стены.

— Ну? — спросила Лариса.

Я посмотрела на свои записи. Потом на улицу Ортеля, по которой мужчина катил пустую тележку.

— Я попробую договориться об отпуске.

На Земле телефон сразу начал принимать пропущенные сообщения. Одно было от Алены: она спрашивала, заеду ли я завтра. Я написала, что заеду, и остановилась посреди двора, прежде чем добавить вторую фразу.

«Мне надо тебе кое-что показать. Только сначала придется рассказать».

Глава 2. Шесть недель до отъезда

Алена сперва решила, что я нашла новую работу.

— Так это хорошо. Ты же говорила, что устаешь от одного и того же.

— Это временная работа.

— Тем более попробуешь. Где?

Я положила перед ней медный треугольник. На столе лежали ее ключи, зарядный провод и две квитанции. Между ними вещь из другого мира выглядела довольно скромно.

— В городе, который называется Ортель.

— Я такого не знаю.

— До вчерашнего дня я тоже.

Дочь внимательно посмотрела на меня. Я рассказала про Ларису, арку, чужую улицу. Про Бруну, сушильные камни, комнату. Только мужчину с садовыми полотнами почему-то пропустила, хотя рассказать о нем было гораздо легче, чем обо всем остальном.

Алена долго молчала. Потом подняла треугольник за булавку.

— И вот это позволяет понимать чужую речь?

— Да.

— Скажи что-нибудь.

— Что?

— Не знаю. На другом языке.

— Ален, я не выучила другой язык. Я понимала людей, когда они говорили.

Она положила знак обратно. Я видела, как она старается не рассердиться.

— Мам, ты приехала и говоришь, что уйдешь в какую-то арку на шесть недель. Я даже не могу задать нормальный вопрос, потому что любой вопрос будет выглядеть так, будто я тебе не верю.

— Ты можешь не верить. Я сама Ларисе сначала не поверила.

— Вот. А потом?

— Потом прошла.

— А мне предлагаешь просто послушать?

За окном несколько раз хлопнула дверь машины. Я взяла со стола зарядный провод, аккуратно обвила вокруг ладони и развернула обратно. Это был чужой стол, чужой провод, и я явно делала не то.

— При следующем открытии поедем вместе, — сказала я. — Посмотришь сама. Если захочешь, шагнешь рядом со мной и вернешься. В тот день можно ходить в обе стороны.

— А в остальные нельзя?

— Нельзя. И позвонить тоже.

Она отодвинула от себя кружку.

— Мне это совсем не нравится.

— Мне тоже не все нравится. Поэтому я не осталась вчера. Я вернулась, чтобы разобраться здесь.

Алена встала, прошлась до окна. Потом обернулась.

— И тебе обязательно там работать? Нельзя просто съездить еще раз посмотреть?

Я хотела сказать, что без работы было бы незачем. Но это звучало странно даже для меня. Чужой мир за кирпичной аркой явно заслуживал хотя бы еще одного дня.

— Наверное, можно. Но Бруне нужен человек на этот срок. А я хочу узнать, каково там жить, а не только ходить по улице и удивляться.

— Ты теперь говоришь о ней так, будто вы вместе двадцать лет простыни считали.

Я засмеялась, и напряжение немного отпустило.

— Нет. Пока я только успела дать один неправильный совет.

— Уже?

— На первой минуте.

Алена опустила голову. Я увидела, что она тоже улыбается, хотя старается этого не показывать.

К вечеру мы не пришли ни к какому согласию. Она по-прежнему считала мой замысел сомнительным, а я по-прежнему хотела поехать. Зато у нас появилась простая договоренность: никаких разговоров о том, что я «отдохну где-нибудь за городом». Она знала, куда и на сколько я собираюсь, и собиралась лично проводить меня.

На работе все оказалось менее таинственно и более хлопотно.

Владелец прачечной перелистал мой календарь отпусков, вернулся на предыдущую страницу и снял очки.

— Шесть недель подряд?

— Да. Часть у меня накопилась. Остальное прошу без оплаты.

— А приемка?

— Старшая смены согласна подменить меня. Но ей нужен человек на вечер, иначе она просто поселится здесь.

— Она согласна или ты за нее решила?

Я помолчала.

— Обсудили предварительно. Окончательно поговорим втроем.

Он постучал пальцем по календарю.

— Давай тогда втроем. Мне не нужен отпуск, после которого все остальные тоже захотят уйти.

Я вышла из кабинета с гораздо более земной задачей, чем путешествие между мирами. Нужно было переставить две смены, договориться о подмене и закончить сверку заказов, которую я давно откладывала. Никто не падал в отчаяние от предстоящего отсутствия заведующей. Старшая смены прежде всего спросила, можно ли наконец перенести стойку для пакетов поближе к выдаче.

— Перенесем, — сказала я.

— Сейчас или когда вернешься?

Мне стало неловко.

— Сейчас.

Мы перенесли ее в тот же день. К вечеру я сама дважды потянулась за пакетом на старое место и подумала, что в Ортеле у меня таких движений будет много.

Через несколько дней мы согласовали подмены и весь отпуск. Назад меня ждали в первую смену после возвращения. Я внесла ее в календарь рядом с днем открытия прохода.

Вечерами я доставала блокнот с записями Бруны. Пересчитывала плату за комнату и еду, оставляла запас, снова пересчитывала. Мои земные деньги оставались здесь: за квартиру, обычные расходы после возвращения, непредвиденное. Лариса не обещала менять их на местные монеты. Я собиралась жить на заработанное там, начиная с заранее оговоренной части первой платы.

Мне очень хотелось задать Бруне еще десяток вопросов. Иногда я даже брала телефон, прежде чем вспоминала, что ее номера не существует. Приходилось записывать вопросы на отдельной странице. Постепенно они стали короче. Что брать с собой на работу. Бывает ли выходной сразу после короткой смены. Где покупать обычные полотенца. Последний вопрос я вычеркнула: заведующая прачечной наверняка могла разобраться с полотенцем на месте.

Алена заезжала дважды. В первый раз привезла мне дорожный чемодан, который я одалживала ей для поездки с Денисом. Во второй — осталась на вечер. Мы вместе убрали зимние вещи, поссорились из-за моего тяжелого свитера и решили оставить его дома.

— Ты мне его все равно потом привезешь, если там окажется холодно, — сказала я по привычке.

Дочь остановилась, держа свитер за плечи.

— Не привезу. Шесть недель, помнишь?

Я села на край кровати.

— Помню. Просто сказала.

Она сложила свитер и положила рядом со мной.

— Возьми тонкий. И куртку. Ты еще ни разу там не ночевала.

Я послушалась.

В последнюю неделю все вокруг стало удивительно заметным. В прачечной сменили лампу над приемкой, и стойка вдруг оказалась не серой, а теплого бежевого цвета. У дома открыли маленькую булочную. Соседка принесла отросток растения, которое я давно у нее просила, и я отнесла его Алене — пусть пока стоит у ее окна.

Мне нравилась моя квартира. Нравилось вечером включать свет в прихожей, бросать сумку на знакомую тумбу, знать, какой кран нужно повернуть чуть сильнее. Ничто здесь не гнало меня прочь.

Накануне отъезда я проснулась среди ночи и пошла проверить чемодан. Он стоял закрытый. Я расстегнула его, зачем-то переложила блокнот из большого отделения в наружный карман и снова закрыла.

Утром Алена написала, что уже ждет внизу. Я выключила свет, взяла сумку через плечо и выдвинула ручку чемодана.

За дверью пахло соседским завтраком. До арки нам предстояло доехать обычным городским транспортом. Я сама перенесла чемодан через порог и заперла квартиру.

Глава 3. Не экскурсия

Алена остановилась перед аркой так резко, что я едва не наехала чемоданом ей на пятки.

— Мам.

На той стороне, как и в прошлый раз, была улица. Но теперь перед гостевым столом стояли двое с большими корзинами, а Лариса махала нам из-за их плеч. У нас во дворе шелестели молодые листья. Там ветер трепал желтый навес.

Я не стала говорить «я же тебе рассказывала». Мне самой понадобилось несколько секунд, чтобы снова поверить глазам.

Лариса подошла к арке и поздоровалась с дочерью.

— Хочешь на минуту сюда?

Алена посмотрела на меня.

— Ты обратно пойдешь со мной?

— Конечно.

Мы оставили чемодан возле стены и шагнули вместе. Дочь стиснула мою руку. Я узнала это движение: так она держалась когда-то, переходя широкую дорогу. Только сейчас она была выше меня и несла на плече вполне взрослую тяжелую сумку.

Она посмотрела вверх, на крыши, потом на наши сцепленные пальцы.

— Здесь тепло.

— Да.

— И пахнет по-другому.

— Я тоже это заметила.

Лариса показала нас человеку за столом. Алене дали гостевой знак, спросили, сегодня ли она вернется. Дочь кивнула и сама сказала, что только провожает мать. Мы прошли до угла, откуда была видна улица с деревцами в оградах.

Я ждала еще вопросов. Она вдруг спросила:

— А ты здесь не будешь все время одна?

— На работе точно не дадут.

— Ты поняла, о чем я.

Я обняла ее. Лариса отошла к столу, разговаривать с человеком с корзинами.

— Буду скучать, — сказала я. — И по тебе, и по дому. Но я хочу попробовать.

Алена некоторое время стояла неподвижно, потом прижалась ко мне лбом.

— Мне пока не нравится, что я не смогу тебе написать.

— Мне тоже.

Мы вернулись за чемоданом на Землю. Лариса осталась ждать с другой стороны. Я еще раз показала дочери дату в телефоне: следующее открытие, конец июня. Алена уже сохранила ее у себя. Договорились встретиться утром в этом дворе.

— Только не стой здесь с рассвета, — попросила я. — Я напишу, как только перейду.

Она кивнула, потом взяла у меня сумку, чтобы я расправила завернувшийся воротник куртки.

— Все, мам. Иди. А то мы сейчас до вечера будем.

Я забрала у нее сумку, обняла на прощание и прошла. За аркой Алена подняла руку. Еще несколько шагов — и кирпичная стена скрыла ее от меня.

В приемной прачечной на этот раз никто не принимал меня за случайную гостью. Бруна подвинула книгу и попросила назвать день, когда я должна закончить. Я назвала. Она показала ту же дату местными знаками, еще раз проговорила оплату и выдала оговоренную часть. Монеты приятно и непривычно оттягивали карман.

— Сначала устройтесь у Руты, — сказала она. — До полудня успеете вернуться. Лисет сегодня покажет приемку.

Рута узнала меня сразу, но комнату открыла только после того, как мы рассчитались за первую неделю. Остальную плату предстояло вносить по неделям. Она пересчитала монеты и записала сумму при мне.

Комната почти не изменилась за шесть недель. На подоконнике только появился кувшин с двумя ветками, а вместо серого покрывала лежало полосатое. Я поставила чемодан у шкафа и вытащила из него туфли.

— Окно вечером прикрывайте, если внизу готовят, — посоветовала Рута. — Иначе все ваши вещи будут пахнуть ужином.

Это было первое наставление, которое я без труда поняла во всех подробностях.

Я переоделась в простую темную юбку и светлую рубашку, приколола знак перевода к воротнику, положила блокнот в сумку. На дне чемодана лежал тонкий свитер, на котором настояла Алена. Я потрогала его и закрыла крышку.

Лисет встретила меня возле прилавка.

— Сначала покажу, куда ставить принятое. Потом где искать готовое. Они похожи, но путать дорого.

— Согласна.

Она рассказала быстро, однако повторяла, если я просила. Я зарисовала в блокноте два местных слова, потом обнаружила, что перевернула одно. Лисет взяла у меня карандаш, развернула блокнот и написала знак крупнее.

— Этот хвост внизу. Иначе другое получается.

— Насколько другое?

— В заказах такого слова нет.

Я решила пока этим удовлетвориться.

Первые два часа я больше спрашивала, чем работала. Мне казалось, что все видят, как медленно я двигаюсь. Посетители произносили знакомые просьбы — успеть к отъезду, не потерять пояс, найти маленькую салфетку, — но за спиной Лисет стоял чужой порядок, в котором я еще не ориентировалась.

Когда к прилавку подошла женщина за двумя покрывалами, я уже очень хотела хоть что-нибудь сделать сама. Нашла одинаковые свертки, сравнила подвешенные бирки с зарисовкой и перенесла их ближе к выходу.

— Можно забирать, — сказала я.

Лисет обернулась из дверей сушильной комнаты.

— Нет. Подождите, пожалуйста.

Она развязала один сверток, приподняла край. Внутри оказалось еще влажно.

Я взяла не с той полки. Те же корзины, похожие бирки; мне хватило совпавшего рисунка в углу, а слово над ним я даже не попробовала проверить.

Женщина посмотрела на покрывало и на меня.

— Мне через час надо уходить.

Я ощутила знакомое неприятное тепло в щеках.

— Я поторопилась с ответом. Сейчас уточню, когда будет готово.

Лисет назвала время. Женщина недовольно вздохнула, но ушла, договорившись зайти позже.

— Я покажу еще раз, — сказала Лисет.

— Покажи. И эти два я сама отнесу обратно.

До конца смены я разобрала с ней все, что успела переставить. Оказалось, ошиблась только в этих покрывалах, но проверить пришлось каждую корзину. Потом я приготовила жен-

щине заказ и дождалась, пока она развернет его на прилавке. Покрывало было сухим. На этот раз я знала это наверняка.

Из прачечной я вышла с усталыми ногами и чернильной черточкой на пальце. Мартин стоял у соседней двери и разговаривал с мужчиной в переднике. Увидев меня, он попрощался с собеседником.

— Значит, все-таки любовь к делу победила?

— Сегодня дело меня пока не полюбило.

— Настолько плохо?

— Я объявила готовыми два мокрых покрывала.

Он усмехнулся, но расспрашивать не стал.

Мы пошли рядом. Я была рада, что он не предложил заново учить меня работе. Он рассказывал, как в саду спорили из-за новой скамьи: каждый хотел поставить ее в своем любимом месте, хотя сидеть на ней предстояло посетителям.

— И где поставили?

— Пока у стены. Завтра опять будем переносить.

— У вас тоже руководителю иногда полезно уйти?

— Мне это сегодня сказали почти теми же словами.

На развилке я остановилась. Пансион был направо, за маленькой площадью с колодцем.

— Хотите завтра посмотреть сад? — спросил Мартин. — После закрытия. Будет тише.

Я чуть не ответила, что сначала надо выяснить, не понадобится ли Бруне моя помощь. Вместо этого посмотрела на его лицо.

— Хочу. Если моя смена закончится вовремя.

— Я подожду у ворот. Не у прачечной, а то вы опять решите, что я за полотнами.

— А вы не за ними?

— Завтра нет.

Уже поднимаясь к своей комнате, я заметила, что улыбаюсь. Ноги все еще гудели, а черточка на пальце никуда не делась.

Глава 4. Сад после закрытия

К саду я пришла слишком рано. Последние посетители еще выходили через ворота, и я отошла к ограде, делая вид, будто с интересом изучаю местную афишу. На ней были крупные буквы, четыре строки помельче и число, которое я узнала. Все остальное могло означать что угодно.

— Там написано, что собак просят держать рядом с собой, — сказал Мартин за моим плечом.

Я обернулась.

— Мне как раз было важно это выяснить.

— У вас есть собака?

— Нет. Но теперь я подготовлена.

Он улыбнулся и открыл калитку рядом с большими воротами.

Я успела зайти после работы в пансион и переодеться в серо-голубое платье. Дома оно казалось совершенно обычным; здесь я весь день сомневалась, не слишком ли оно городское для прогулки по саду. Мартин был в светлой песочной рубашке с закатанными рукавами и темных брюках. На манжете темнело небольшое пятно земли.

— Я еще не совсем освободился, — сказал он. — Минут пять подождете?

— Конечно.

Возле сарая двое работников переставляли ящики. Мартин подошел к ним, указал на оставшуюся тележку, начал объяснять, куда ее лучше убрать. Один из мужчин вытер лоб предплечьем.

— Мы завтра все равно туда поедем. Зачем сейчас закатывать и утром вытаскивать?

— Чтобы проход был свободен.

Мужчина посмотрел на широкую дорожку, потом на тележку у самого забора.

Мартин тоже посмотрел. Помолчал.

— Ладно. Завтра уберете.

Возвращаясь, он поймал мой взгляд.

— Не говорите.

— Я еще ничего не сказала.

— По лицу вижу.

Я не стала уверять его, что ни о чем не подумала. Он рассмеялся, и прогулка сразу перестала походить на знакомство двух людей, которые очень стараются не ошибиться в первом разговоре.

Сад был больше, чем я представляла с улицы. За длинной клумбой расходились дорожки, дальше стояли высокие кусты и низкий круглый фонтан без всякой торжественности. На его бортике кто-то забыл деревянный обруч. Мартин поднял его и отнес к скамье у ворот.

— Завтра будут искать, — сказал он.

Я присела возле цветка с плотными серебристыми лепестками. Он напоминал маленькую закрытую чашу.

— А этот уже отцвел?

— Еще не открылся. Здесь есть целая полоса таких.

— Они ночные?

— Им нужна прохлада. Солнце уйдет за стену — начнут открываться. Иногда быстро, иногда приходится ждать.

— То есть программу нельзя поторопить?

— Я пробовал. Не помогло.

Мы пошли дальше, и он рассказал, как однажды привел к этим цветам приезжих слишком рано. Стоял возле клумбы и говорил обо всем, что знал, а цветы не желали поддерживать беседу. В конце концов гости ушли смотреть фонтан. Чашечки открылись через несколько минут после их ухода.

— Они потом вам поверили?

— Не все.

— Попросили вернуть деньги?

— Вход тогда был свободный. Это спасло мою репутацию от окончательного падения.

Мне нравилось, как он рассказывал: без желания непременно меня поразить. Он показывал место, в котором проводил дни, и иногда сам замечал то, мимо чего обычно проходил.

У дальней стены мы сели на широкую скамью. Над ней склонилась ветка с мелкими листьями. Мартин отодвинул ее плечом и устроился так, чтобы она не задевала меня.

Некоторое время мы молчали. Из-за стены доносились голоса, в саду щелкала какая-то птица. Я думала, что нужно спросить что-нибудь хорошее. Про сад уже спросила. Про работу тоже. В голове почему-то остались только его ремни и мои мокрые покрывала.

— Лариса сказала, что вы дракон, — наконец произнесла я.

Он повернулся ко мне.

— Когда успела?

— Сегодня утром. Я спросила, все ли здесь люди.

— И что она ответила?

— Что нет, и что я не должна хватать каждого за рукав с этим вопросом.

— Разумный совет.

Я посмотрела на его обычные руки, лежавшие на коленях. Никаких когтей. Никакой чешуи на шее. Только короткая щетина, седина у висков и немного усталые глаза.

— Извините. Наверное, вам надоело.

— Мне редко приходится объяснять с самого начала. Но сейчас вы так смотрите, будто ищете шов на рубашке.

Я засмеялась, смутилась и отвела взгляд.

— Просто пытаюсь представить.

— Когда-нибудь покажу. Не здесь, между скамьей и стеной.

— Хорошо. Я и не просила немедленно.

Он чуть приподнял брови, и я поняла, что получилось слишком серьезно. Мы оба улыбнулись.

За деревьями по дорожке прошла женщина с метлой. Она попрощалась с Мартином и скрылась у ворот.

— А вечером сюда посетителей не пускают? — спросила я.

— Пока нет. Но хочу попробовать. Многие заканчивают работу, когда мы уже закрываемся. Здесь в это время хорошо.

— Тогда вам самим придется позже уходить.

— Часть вечеров — да. С остальными еще разбираемся. Если просто сказать людям «останьтесь на пару часов», очень скоро я останусь один.

Он сорвал с рукава сухую травинку, покрутил ее между пальцами.

— У вас тоже все упирается в часы?

— Часто. И в то, что я сначала обещаю людям удобное время, а потом вспоминаю, кто должен в это время работать.

Мне не хотелось изображать себя женщиной, у которой все давно правильно устроено. Сегодня я дважды спросила у Лисет одно и то же. Дома я бы уже начала раздражаться, если бы сотрудник дважды переспрашивал меня.

— А домой вы когда? — спросил он.

Я назвала день следующего открытия.

— Конец июня. Дочь встретит.

— Надолго сюда приехать решились.

— Вчера казалось, что ужасно надолго. Сегодня на работе — что я за это время даже буквы не запомню.

— Запомните. Не все, но нужные.

Я ждала, что он начнет расспрашивать, почему я оставила дома дочь, работу, квартиру. Однако он только спросил, сколько Алене лет, и заметно удивился ответу.

— Двадцать шесть? Я думал, вы скажете меньше.

— А я иногда и сама думаю меньше. Потом она напоминает.

Солнце ушло со скамьи. Я потерла ладони о рукава и подняла голову: воздух действительно стал прохладнее.

Мартин встал.

— Пойдемте. Кажется, они начали.

На клумбе одна за другой раскрывались серебристые чашечки. Внутри лепестки оказались кремовыми, с тонкой голубоватой кромкой. Они медленно расправлялись в вечернем воздухе. Я стояла, наклонившись к первой, и боялась моргнуть, чтобы не пропустить движение соседней.

— Теперь верю, — сказала я.

— Это хорошо. Деньги за вход все равно не вернул бы.

— Вы их не брали.

— Поэтому и не вернул бы.

Я засмеялась. Когда выпрямилась, он стоял рядом, совсем близко. Я впервые заметила, что глаза у него серо-зеленые, а не просто темные.

— Можно я буду звать вас Женей? — спросил он.

— Можно. А я тебя Мартином.

— Договорились.

На выходе он взял скамейку за край и чуть подвинул, освобождая калитку. Я подхватила с другой стороны. Получилось одновременно, и он поблагодарил меня коротким кивком.

До пансиона мы дошли уже в сумерках. Еще перед прогулкой Рута дала мне ключ от входной двери и попросила, вернувшись, повесить его на крючок изнутри: утром он понадобится ей. Ключ от моей комнаты оставался у меня.

Я достала нужный, но не сразу вставила в замок.

— Спасибо за вечер.

— Я рад, что ты дождалась цветов.

— Я тоже.

Он пожелал мне спокойной ночи. Я вошла, повесила входной ключ на крючок и поднялась наверх. В комнате все было новым, даже звук окна, которое я закрывала. Но теперь у меня здесь был вечер, который хотелось вспомнить перед сном.

Глава 5. Чужие бирки

На четвертое утро я пришла раньше своей смены и успела разложить на столе несколько чистых бирок. Накануне мы долго выясняли, к какому часу обещали заказ одной женщине. Сам заказ нашелся быстро, а вот обещание про обед осталось только в памяти Бруны.

Мне хотелось, чтобы сегодня получилось лучше.

Я нарисовала в блокноте простую схему и стала объяснять ее Лисет. Она слушала, не перебивая, даже отложила веревочку, которую распутывала.

— То есть все, что обещано на утро, ты хочешь отмечать белым шнурком?

— Да. Видно издалека, не нужно каждый раз лезть в книгу. Дневное пока оставим без отметки, вечернее…

Лисет подняла руку.

— Пойдем.

В сушильной комнате на отдельных решетках лежали садовые полотна. На одном висела деревянная бирка с белой петлей. На другом петля была темная.

— Эти можно держать ближе к теплу, — сказала Лисет, показав на второе полотно. — Те, с пропитанным краем, идут отдельно. Белое видно даже с другой стороны. Работницы знают, куда нести, не развязывая весь сверток.

Я посмотрела на свою схему.

— У вас белый уже занят.

— Давно. И темный тоже. Тебе нужно утро, а нам нужно не испортить край.

У двери стояла женщина с корзиной. Она перевела взгляд с моих бумажных бирок на Лисет и прошла к своей решетке. Никто не смеялся, но мне все равно хотелось собрать со стола свои замечательные предложения и унести их подальше.

— Я могла спросить, — сказала я.

— Могла.

Лисет не стала добавлять ничего утешительного. Я за это была ей почти благодарна, хотя в ту минуту предпочла бы услышать что-нибудь приятнее.

Мы вернулись к прилавку. Я села, перечеркнула белую петлю и начала заново.

— Тогда не трогаем то, что уходит в работу. Отмечаем только корзины здесь, на выдаче. Когда вещь уже готова. Например, бумажкой на наружной ручке.

— Если бумажка оторвется, опять будем искать.

— Закрепим в прорези. А в книге все равно остается запись.

Лисет взяла пустую корзину, вставила карточку между двумя прутьями, потянула. Карточка выскользнула.

— Вот.

— Хорошо, я поняла. Не между прутьями. Маленький держатель на ручке. Как у Бруны на столе.

— Их у нас два.

Я посмотрела на свои семь карточек.

— Начнем с двух. На ближайшие утренние заказы. Если удобно, подумаем дальше.

На этот раз Лисет кивнула. Мы выбрали две корзины. Я написала на обороте карточек привычными буквами, что лежит внутри, а она на лицевой стороне — местными. Мне предстояло постепенно отказаться от своей подсказки, но не сегодня.

К обеду пришла вчерашняя женщина. Я нашла ее заказ сразу и получила очень деловое спасибо. Лисет с другого конца прилавка подняла брови. Я показала ей большой палец, потом засомневалась, понятно ли здесь это движение. Судя по улыбке, понятно.

После смены я не стала оставаться и дорисовывать остальные карточки. Положила их в ящик и пошла к маленькой площади возле книжной лавки, где меня ждал Мартин.

Договорились мы утром, когда он зашел за очередными садовыми полотнами. Он успел спросить, как я устроилась, а я успела заметить, что во время его вопроса перестала слушать Бруну. Пришлось потом переспрашивать про сумму в книге.

У лавки стояли три низких стола. За одним двое подростков собирали что-то из плоских деревянных деталей. Другой был свободен. На нем лежали коробка и раскрытая книга с черными силуэтами.

— Здесь можно взять задачу на время, — сказал Мартин. — Или просто посидеть. Я иногда захожу.

— И хорошо получается?

— Посидеть — прекрасно.

Он заплатил за коробку, выбрал страницу и поставил книгу между нами. На картинке была птица с длинной шеей. Рядом лежали семь деталей, из которых ее предстояло сложить.

Я подвинула к себе два треугольника.

— Начнем с большого.

— Почему?

— Потому что маленькие потеряются.

— Они никуда не уходят.

— Ты меня еще плохо знаешь.

Он откинулся на спинку стула и предоставил мне стол. Я быстро собрала что-то вытянутое, посмотрела на картинку и обнаружила, что для шеи у меня ничего не осталось.

Мартин наклонился ближе.

— Похоже на рыбу.

— Еще не закончено.

— Я понял. Рыба тоже пока сомневается.

Я поменяла местами два треугольника. Получилась рыба с очень решительными намерениями выбраться на берег.

— Теперь ты.

Он принялся за дело с таким уверенным видом, что я приготовилась проиграть без всякого соревнования. Через минуту у него осталось то же самое затруднение, только хвост смотрел в другую сторону.

Мы одновременно посмотрели друг на друга и расхохотались.

Подросток за соседним столом поднял голову. Я ожидала, что он сейчас подскажет, но он только улыбнулся и вернулся к своей работе.

— Давай не птицу, — предложила я.

— Зачем? Мы уже столько в нее вложили.

— Именно поэтому хочется сменить занятие.

Он перелистнул книгу. На следующей странице был домик с узкой башней. Мартин положил самый большой треугольник наверх, я передвинула квадрат вниз. Наши руки столкнулись.

— Держи, — сказала я и протянула ему деталь.

Но он не сразу ее взял. Сначала посмотрел на мои пальцы, на след чернил возле ногтя.

— Это местная письменность сопротивляется?

— Сегодня уже меньше. Сегодня я собиралась переучить целую прачечную отличать утро от вечера.

Я рассказала ему про белые шнурки. Он слушал, вертя квадрат в руке, а потом положил его совсем не туда, куда мы собирались.

— Ты расстроилась?

— Конечно. Я же пришла с хорошей мыслью.

— Она и была хорошая. Только шнурки раньше заняли.

Я усмехнулась.

— Вот именно так я Лисет и сказала.

Он переставил квадрат. Домик вдруг получился. Мы оба наклонились к нему, словно не доверяли такому легкому завершению после долгой возни с птицей.

— Есть, — сказал Мартин.

Мне захотелось оставить его на столе хотя бы на минуту. Мы сидели, смотрели на семь обычных деревянных деталей, и никто не торопился открывать следующую страницу.

У лавки звякнул колокольчик. Вышел пожилой мужчина с кипой книг, за ним женщина понесла свернутую вывеску. Я собрала детали в коробку, пересчитала — семь — и вернула хозяину. Мартин тем временем помог убрать соседний стол.

Мы пошли вдоль площади. Я увидела в витрине отражение: свое платье, знакомую сумку и рядом высокого мужчину, который наклонился ко мне, чтобы расслышать. На секунду захотелось достать телефон и отправить Алене снимок. Я вспомнила, что отправлять некуда, и опустила руку.

Мартин заметил это движение.

— Домой захотелось?

— Хотелось рассказать дочери, как мы не смогли собрать птицу.

— Тогда запомни. Можно даже немного преувеличить мои успехи.

— Рыба с ногами — уже достаточно ярко.

Он засмеялся.

У поворота к пансиону мы остановились. Я не хотела прощаться первой и сердилась на себя за эту нелепую нерешительность.

— Через день у меня свободный вечер, — сказала я. — Совсем свободный.

— У меня тоже. Можно сходить к старой набережной. Там в конце недели открывают столы под навесом.

— Что за столы?

— Приходи, увидишь.

— Только без птицы из семи частей.

— С этим ничего не обещаю. Ты же знаешь, у меня осталось незаконченное дело.

Глава 6. Вечер без плана

Над столами у набережной висело объявление. Я разобрала только знакомый знак, который успела несколько раз написать на бирках, и решила не притворяться грамотной.

— Что там?

Мартин прочитал, нахмурился и посмотрел на пустую площадку.

— Сегодня закрыто. Навес переставляют.

За оградой действительно лежали длинные жерди. Двое мужчин сворачивали большое полотно, а женщина собирала в ящик чашки. Я увидела на ткани серый пропитанный край и едва не обрадовалась ему как старому знакомому.

— А на сегодня уже все? — спросил Мартин у женщины.

Она обернулась.

— Роэн, тебе уже все. Ни ужина, ни места. Приходи завтра.

— Ясно. А объявление сегодня повесили?

— Три дня назад. Ты мимо ходил.

Я посмотрела на него. Он поднял руку, предупреждая мое замечание.

— Знаю. Читать умею, пользоваться этим не всегда успеваю.

Мы отошли от ограды. Внизу медленно двигалась вода. По другому берегу шел человек с длинной лестницей на плече; издали казалось, что лестница гуляет сама, а он только сопровождает.

— Можем найти другое место, — предложил Мартин. — Ты голодна?

— Пока нет. Рута сказала, что если я выйду из дома без куска пирога, ей придется есть его завтра одной. Я проявила участие.

— Тогда я свой план исчерпал.

Он сказал это без особого огорчения, и мне стало смешно. Я весь день берегла этот вечер: закончила работу вовремя, не стала забирать в комнату книгу заказов, даже не переписала два новых слова, чтобы не опоздать. А теперь мы стояли у закрытого навеса, и никто ничего от нас не хотел.

— А что здесь делают, когда не придумали заранее?

— Ходят. Иногда садятся.

— Хороший город.

Мы пошли вдоль воды. За последним складом открылась широкая лестница, ведущая на верхнюю прогулочную площадку. Снизу была видна каменная ограда и несколько темных фигур на фоне неба.

— Там можно пройти? — спросила я.

— Можно. Вид хороший.

— Тогда пойдем.

Мартин посмотрел наверх, потом на меня.

— Пойдем.

Лестница оказалась длиннее, чем выглядела. Я уже пожалела о своем бодром предложении, когда увидела на середине площадку со скамьей. Села без объяснений. Мартин устроился рядом.

— Вот и выполнили твою программу, — сказала я. — Походили, теперь сидим.

— Надежная программа. Редко подводит.

Сверху спускалась женщина с мальчиком. Тот нес деревянную вертушку, которая крутилась только тогда, когда он размахивал ею изо всех сил. Увидев нас, он остановился и подставил ее ветру. Она сразу замерла.

Мы все четверо посмотрели на неподвижные лопасти. Мальчик вздохнул, опять взмахнул рукой и пошел дальше. Женщина улыбнулась нам на ходу.

— Я его понимаю, — сказал Мартин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.